

*

Осенью 1990 года вышла моя первая книга¹. И в мире, где всё связано, не могло не произойти ответного движения. Некоторые самые внешние приметы этого отклика я попытался зафиксировать.

Получив тираж изданной на собственные средства книги, я сам и продавал её. Сначала, в сентябре, — в Туле. Арендовал на месяц комнату в Доме культуры. Перевёз туда весь тираж, дал объявление в газету и стал вечерами ждать читателей. Днём же часто сам отправлялся их искать: наполнял книгами сумку, брал раскладной стол, стул и рекламу, где сказано, что автор продаёт свою книгу, — и шёл туда, где, казалось, меня ждут.

Когда погода позволяла, выходил со своим столиком на крылечко Дома культуры.

В октябре продавал книгу в Москве, на Арбате.

*

Когда привёз и разгружал книги, бабули спрашивали: «Это не дневники?», «Не тетради?». Мужик: «А сигарет нет?».

*

Женщина: «Я по объявлению в газете». Посмотрев, полистав книгу, сняла очки. Расплатилась. «Хотите автограф?» — спрашиваю. «Да, если можно».

Когда она вышла, заметил очки на столе. Вскрываю и бегу за ней: «Вы забыли очки». Поблагодарила и ушла. Вернулся, сел за стол и увидел только что надписанную книгу. Выбежал из комнаты и догнал женщину:

— Вы забыли книгу.

— Ой, — смутилась и покраснела, — извините.

— Ничего, смущаюсь и краснею. — Вы знаете... я сам такой.

¹ Р. И. Дижур. «Связь». — Тула: Приокское книжное издательство, 1990. Стихи. Поэма. «К маме в Америку»: Из дневниковых записей 5747/5748 года Иудейской эры, 1987 года от Рождества Христова.

*

Пединститут. Сижу в вестибюле. Парень берёт в руки книгу и долго внимательно рассматривает обложку. «Вы полистайте», — говорю. «Чего листать? — спрашивает. — Брать надо. Мне две с автографом!».

*

Погода замечательная. Устроился со столиком на крылечке Дома культуры, читаю газету. Из-за моей спины появляется немолодая женщина, наклоняется ко мне и с хитрым блеском в глазах тихо на ухо: — А вы не знаете, Кашпировский какой национальности? — Не знаю, — отвечаю растерянно. — Спасибо вам, — полушёпотом, загадочно. — За что? — Большое спасибо, — ещё многозначительней. Что бы это значило?

*

Политехнический институт, вестибюль. Подошли двое парней. Один читает вслух мою рекламу: «К маме в Америку»... Разворачиваются и уходят. Второй — своему приятелю: «Вот если бы он билеты в Америку продавал...».

*

Крылечко Дома культуры. На заводах, что поблизости, закончилась первая смена. Моя торговля оживляется. Среди покупающих книгу есть изрядно выпившие. Шатаясь, достают из штанов мятые трояки. Зачем им книга? Завтра ведь не на что будет опохмелиться.

Однозубый, почти трезвый, очень добродушный мужичок приобрёл книгу и ушёл. Через час, восторженный, вернулся за автографом. Что он успел вычитать — не знаю, но крутился около меня минут десять, желая всяческих успехов, всевозможных и невозможных удач.

*

Из тех, кто вступает в беседу, каждый второй спрашивает: «У вас мама в Америке?», и после утвердительного ответа: «А почему вы здесь?».

*

Добродушный мужичок с одним зубом вот уже третий день, возвращаясь с работы, подходит ко мне, улыбается до ушей, жмёт и трясёт мою руку, повторяя: «Ростислав! Ну, прямо очень! Ростислав!..» и т. д. Когда он покупал книгу, я принял его за выпившего. Кажется ошибся, — вижу его в одном и том же расположении духа. Возможно, это его такое нормальное, приподнято-возбуждённое состояние. «Вы уже прочитали?» — спрашиваю. «Нет ещё, — щерится единственным зубом. — Но читаю. Очень! Ростислав! Ну, прямо очень!..».

*

На улице дождь. Сажу в Доме культуры в арендованной на втором этаже комнате. Этажом выше, сегодня и ежедневно, поют одну и ту же песню: «За работу, кума! За работу! За работу, кума! За работу!». Вот, собственно, и вся песня. Тут же без передыха начинают сначала. То протяжно поют, растягивая слова, то быстро, скороговоркой: «За работу, кума! За работу!..». То с музыкой, то без: «За работу, кума! За работу!..». То баян аккомпанирует, то рояль. То затынет одинокий, очень высокий голос, то грянет в двадцать глоток: «За работу, кума! За работу!». Можно с ума сойти.

*

Некоторые из купивших книгу приходят ко мне опять. Кто — ещё за книгами для родных и знакомых, кто — просто поблагодарить. При этом в глазах столько света и тепла, что понимаю: мне удалось как-то согреть человека... И я счастлив. Счастлив, как никогда.

Многие говорят об одном: читали всю ночь, не отрываясь. Конечно, ясно, — не стихи захватывают, а держит интерес к Америке... Придёт ли время для стихов?..

*

Благотворительный телемарафон «Чернобыль — Тула». Подарил книги парням, работавшим на ликвидации аварии. Надписал каждому. Один паренёк подошёл поблагодарить меня и стал рассказывать о том, что побывал в самом пекле и что теперь инвалид. Видно было, он уже об этом сто раз рассказывал и сейчас колеблется, исповедоваться ли ему в сто первый... Искренне сочувствовал и сопереживал, но хотелось ему сказать: «Браток, не надо»...

*

Ловлю себя на том, что нервно напеваю: «За работу, кума! За работу!».

*

Опять солнышко. Опять расположился на крылечке, читаю журнал. Поднял глаза и увидел моего однозубого друга, — увидел уже уходящим; сегодня он прошёл мимо. Смотрю ему вслед. Он почему-то замедлил шаг и остановился. Постоял немного так, спиной ко мне и не обернувшись, пошёл дальше. Наверное, дочитал... Или трезвый сегодня.

*

Девушка, полистав книгу:

— Вы ещё посидите здесь?

— Посажу, — отвечаю.

— Я ещё вернусь.

— Приходите, говорю, зная, что ещё никто из обещавших вернуться, не возвращался.

*

Наконец-то! Несколько дней мучился, вспоминая — где, когда и с кем это было: ненавистное пение над головой. Конечно! Булгаков, «Собачье сердце». Вот:

— *Опять!* — горестно воскликнул Филипп Филиппович... — и как я его понимаю! — *Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замёрзнут трубы, потом лопнет котёл в паровом отоплении...*

И далее:

Вы говорите — разруха, — обращается Филипп Филиппович к доктору Борменталю. — Я вам скажу, доктор, что ничего не изменится к лучшему в нашем доме, да и во всём другом доме, до тех пор, пока не усмирят этих певцов! Лишь только они прекратят свои концерты, положение само собой изменится к лучшему.

Да. Кажется, вопрос: работать или петь? — в Стране Советов решён давно и надолго. Решён так: петь о работе...

Каждый Божий день — одно и то же: «За работу, кума! За работу!».

*

Молодая женщина, расплачиваясь за книгу: «Какое красивое имя — Ростислав. Если у меня будет сын, обязательно назову его так».

*

Прихожу в Дом культуры, поднимаюсь на второй этаж, открываю комнату, сажусь за стол. Сверху кто-то одним пальчиком наигрывает на рояле до боли ненавистный мотив. И звучит ведь негромко. И не поёт никто. А во мне уже всё, надрываясь, орёт: «За работу, кума! За работу!». Не рехнулся ли я?

*

О моей книге очень тепло отзываются интеллектуалы и торговые работники.

*

Октябрь. Москва. Арбат.

Парень, приостановившись, прочитав плакат с рекламой:

— У вас мама в Америке?

— Да.

— Бедная мама.

*

Кавказец, внимательно изучив мою рекламу, взял в руки книгу и с акцентом, колоритно произнёс: «А где-тут у вас про иудейскую эру?». Открываю книгу на первой странице дневниковых записей, показываю. «А здесь антисемитского ничего нет?» — спрашивает. «Нет», — улыбаюсь. «Тогда подпишите мне, пожалуйста».

*

Мужчина остановился около меня в задумчивости:

— Сегодня в диетическом магазине продавали колбасу с жиром и без жира. Как вы думаете, это хорошо?

— Я думаю, это хорошо.

— Хм... — Так же, в задумчивости, наклонил на сторону голову и в ту же сторону отправился.

*

Один молодой человек, посмотрев книгу, зло швырнул её мне на стол.

*

Женщина, поведав о своих житейских трудностях и проблемах подрастающей дочери, сказала, что думает об эмиграции и очень

хочет узнать, как там в Америке. Показываю книгу: «Я попытался об этом рассказать здесь, в своём дневнике». Она, не обращая внимания на книгу, смотрит мне в глаза. «У меня сейчас такое ужасное положение... — говорит взволнованно. — Вы только поймите меня правильно... Я с вами очень откровенна... Я понимаю, я вам совсем чужая... Вот так, подойти на улице... Вы не могли бы попросить свою маму сделать мне вызов в Америку?». «Нет, — отвечаю, — я не могу быть добрым за счёт других. Единственное, что могу сделать для вас, — подарить вам книгу». Подписываю и дарю. Ушла расстроенной.

*

Рядом со мной расположились пять девчонок с гитарами. Играли и пели. Одна из девушек положила мне на столик записку: «All you need is love», то бишь, всё что тебе нужно, — это любовь». Для убедительности красным карандашом нарисовано сердечко.

*

Подошли два милиционера. Сержант, отдав честь: «Вы знаете, что на Арбате продавать ничего нельзя?». «Как? А... А что же делают все вокруг?» — неопределённо показываю рукой и соображаю, кто из нас ненормальный: я или эти двое. Сержант открывает блокнот, куда вклеены какие-то газетные вырезки; показывает и читает вслух о том, что торговать в общественных местах запрещено. Я в растерянности: «Но как же... Но вот же... И художники продают». Сержант: «Они просто выставляют картины. Здесь выставка». Решаю, что сумасшедший — я, и объясняю: приехал из Тулы, только на выходные. Милиционеры снисходят, и посидеть сегодня позволяют. А вообще, говорят, если я хочу продавать, нужно получить разрешение тех властей Москвы, в чьём районе я собираюсь это делать. Отвечаю, что буду месяц ходить по кабинетам, пока получу разрешение поторговать несколько дней. Улыбаются, соглашаются. На мой вопрос: «Если приеду в следующие выходные, задержат ли меня?», сержант ответил уклончиво. Сказал, что возможно дежурить на Арбате будут другие.

*

Симпатичный молодой человек с репортёрской сумкой через плечо, присев около меня на корточки, спросил, не хочу ли я побеседовать перед микрофоном с корреспондентом радиостанции «Юность». Чуть поразмыслив, ответил ему «нет». Корреспондент

слегка удивился и похоже, огорчился. Я поинтересовался, видел ли он где-нибудь мою книгу. Видел, у своего приятеля, который купил её вчера здесь, на Арбате.

Когда репортёр уходил, я понял, что он специально ехал сюда, ко мне, в такую дрянную погоду... Почувствовал себя виноватым и кажется, пожалел, что отказал ему.

*

Слегка выпивший художник расставляет около меня картины.

— А-а, новенький... Милиция к тебе ещё не подходила? — спрашивает.

— Подходили двое, — говорю.

— И сколько ты им дал?

Удивляется, что с меня ничего не взяли.

— А ко мне пристал недавно один, — чертыхается и матерится. — Дал ему пятнадцать рублей в подворотне. Пока не трогают.

*

Парень, очень долго читавший около столика мою книжицу, неожиданно спросил: «А Бродвей назван так в честь Бродского?»

*

— «Связь»... — читает вслух очень привлекательная женщина. И томно так смотрит мне в глаза: — Это что-то сексуальное?

*

Расхристанный, лысоватый молодой человек сказал, что хочет взять две книги: одну себе, одну своей невесте; обе — с автографом. Но у него сейчас нет денег. Я предложил ему книги забрать, если желает, а деньги принести потом; сидеть, говорю, здесь буду до позднего вечера. Он обрадовался, и я, укротив непослушными от холода пальцами ручку, вывел пожелания ему и его невесте.

Часа через три, ещё больше расхристанный, он вернулся с полной сумкой продуктов. Сказал, что растратился и четырёх рублей, наверное, не наберёт. Стал шарить по карманам и нашёл три рубля. На всякий случай сообщил: у него есть ещё где-то немного мелочи. Достаточно, заверяю его, мелочи не надо. Он, очевидно в знак благодарности, решил почитать мне свои стихи, и не выяснив, хочу ли я этого, продекламировал.

— Ну как? — спрашивает.

— Знаете, я на слух плохо воспринимаю, — уклоняюсь от прямого ответа.

— А у вас бумага есть?

— Нет, — качаю головой.

Попросил меня присмотреть за его сумкой с продуктами и стал выпрашивать бумагу у прохожих. Оторопевшая женщина вырвала из своего блокнота три листа. Присев около моего столика, расхристанный молодой человек записал только что прочитанный стих и протянул мне листок.

— Ну как? — допытывается нетерпеливо.

— Знаете... у вас очень непонятный почерк, — опять уклонился я.

Неугомонный молодой человек стал расшифровывать слова.

— Ну как? — не унимается.

— Да так как-то... Я, вообще, могу читать стихи только в спокойной обстановке.

Это его не остановило. Стал записывать второй стих, приговаривая:

— Только я вас очень прошу: не выдавайте мои стихи за свои.

— За кого вы меня принимаете?! — вяло возмущаюсь.

— Да-да, я вижу, вы этого не сделаете, вы человек порядочный... Но мало ли...

Дописал и прочитал мне второй свой стих и третий, и опять просил не присваивать его стихи и не позволять этого делать моим знакомым поэтам.

Желая приблизить минуту прощания, на вопрос «Ну как?» после третьего стиха я ответил, что вот это последнее, кажется, ничего. Расхристанный молодой человек необыкновенно обрадовался. Но как назло, третье стихотворение оказалось недописанным до конца: места на листочке не хватило. И воодушевлённый, он опять ринулся за бумагой к прохожим. «Не надо! — вырвалось у меня. — Конец я хорошо запомнил».

Автор стихов, похоже, обиделся; надумал уходить, но приостановился. Сказал в задумчивости, что остался должен мне рубль. Я только успел открыть рот, но он не дал вымолвить слово.

— А вы знаете, — оживился он, — здесь, на Арбате некоторые поэты одно своё стихотворение по рублю продают.

— Ну вот, — говорю, — считайте, мы с вами в расчёте.

— А я вам даже три стихотворения написал!..

Немая сцена. Молодой человек радостно сияет, а я судорожно соображаю: сколько я ему должен?

*

- Вы автор?
— Да.
— А вы сами читали?..

*

- Хм... «Связь»... Это какая связь? Половая?

*

Подошёл мужчина, купивший у меня вчера книгу. Сказал, что читал всю ночь и сегодня специально приехал на Арбат — найти меня и пожать мне руку. Пожал и ушёл.

*

Вечером двое трезвых ещё молодых ребят с бутербродами в руках и стаканчиками с какой-то красной жидкостью попросили разрешения пристроить свои напитки на край моего столика. «Это не помешает вашей рекламе?» — спрашивают.

Получили моё согласие, но как-то замялись и не решились поставить стаканы. «Вы необыкновенно добры», — вышел из неловкого положения один из них. Ребята устроились чуть поодаль, у витрины букинистического магазина.

*

Я понял: если хочешь купить что-нибудь — садись торговать. На Арбате, например. Не важно чем. Тебе всё принесут. Предлагали икру и Библию, духи и Коран, платки и сигареты...

Купил то, что давно искал, — стихи Мандельштама. Том, ценой в шесть рублей, двое ханыг отдали мне за десятку. Все остались довольны. И я под тусклым светом фонаря, не замечая сырости, холода и снующих прохожих, читаю:

Ломаю ночь, горящий мел,
Для твёрдой записи мгновенной...